

Н.В. РОСТИСЛАВЛЕВА

ОСНОВАТЕЛЬ БЕРЛИНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В. фон ГУМБОЛЬДТ КАК МЫСЛИТЕЛЬ И ПОЛИТИК

Вильгельм фон Гумбольдт (1767–1835) – реформатор системы образования, создатель Берлинского университета, либеральный мыслитель, государственный деятель Пруссии, дипломат, основоположник теоретического языкознания – разными гранями своего творчества присутствует в научной жизни современной России. В последние годы его труды в России переиздавались, были опубликованы русские переводы работ мыслителя¹. Рецепция наследия Гумбольдта сегодня в значительной степени ориентирована на его образовательную концепцию², что объясняется той ситуацией перемен, которую переживает ныне российское высшее образование в связи с переходом к Болонской системе. Признавая создание немецкого классического университета и реформу образования величайшим творением Гумбольдта, необходимо объяснить востребованность этой личности и с точки зрения его политико-философских идей, которые легли в основу его реформаторской деятельности в сфере образования³. Высказанные Гумбольдтом политические идеи имеют и самостоятельное значение, поскольку в них поставлен вопрос о формах взаимодействия индивидуума и государства и предлагается несколько отличный от принципов классического либерализма вариант его решения.

Г. де Руджиеро, итальянский исследователь европейского либерализма, полагал, что либеральному феномену в Пруссии был присущ интеллектуализм, поскольку среди носителей либеральных идей преобладали юристы (в основном чиновники) и интеллектуалы. Выдающимся интеллектуалом своего времени был и Гумбольдт, а

Ростиславлева Наталья Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета.

¹ Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. Под редакцией Г.В. Рамишвили. М., 1984; *его же*. Язык и философия культуры. Переводы с немецкого языка. Под ред. А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. М., 1985; *его же*. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией. – О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. М., 1995, с. 184–189; *его же*. Об учреждении земельных сословных конституций в прусских государствах. – Там же, с. 190–199; *его же*. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине. – Неприкосновенный запас, 2002, № 2 (22). – <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22>; *его же*. О пределах государственной деятельности. М., 2003.

² Дуда Г. Идеи В. фон Гумбольдта и высшее образование в конце XX в. – Современные стратегии культурологических исследований. М., 2000, с. 59–67; Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта. – Логос, 2002, № 5–6 (35); Андреев А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета. – Новая и новейшая история, 2003, № 3; Александров Д. Места знания: институциональные перемены в российском производстве гуманитарных наук. – Новое литературное обозрение, 2006, № 77; Ростиславлева Н.В. Образовательная концепция В. фон Гумбольдта: взгляд из XXI века. – Cogito, Ростов-на-Дону, 2006.

³ Наиболее полная коллекция работ о В. фон Гумбольдте представлена в Государственной библиотеке Берлина. Режим доступа: www.stabikat.de. В последние годы на Западе было опубликовано много литературы о Гумбольдте, что объясняется как рецепцией его творчества в связи с Болонской реформой, так и празднованием в 2010 г. 200-летнего юбилея созданного им Берлинского университета. Обращает на себя внимание полное отсутствие современных монографий о Гумбольдте на русском языке, тогда как издания на английском, французском, чешском, польском, испанском и других языках в каталоге представлены.

проведенная им в Пруссии реформа образования соответствовала ее традициям и приобрела, как утверждает де Руджиеро, общенемецкое значение⁴.

Современный французский историк К. Шарль, специалист в области компаративного изучения элит, в книге "Интеллектуалы во Франции"⁵, размышляя об интеллектуальной власти, отмечал, что "всеобъемлющий интеллектуал определяется двумя свойствами, неразрывно связанными друг с другом. Во-первых, он обладает такими социальными и интеллектуальными признаками, которые обычно разъединены и относятся к противоположным участкам интеллектуального поля; в силу этого такой персонаж подвергает пересмотру сложившееся разделение интеллектуального труда и осуществляет новый, собственный синтез. Отсюда – второе свойство: всеобъемлющий интеллектуал осуществляет свою власть над разными группами, которые идентифицируют себя с ним по разным и порой взаимоисключающим причинам". Также Шарль уточняет, что исключительность этих людей связана с условиями их интеллектуальной деятельности, которые сами по себе являются исключительными⁶.

К исключительным условиям интеллектуальной деятельности Гумбольдта можно отнести три обстоятельства: начало так называемой оборонительной модернизации в Пруссии, во многом вызванной решениями Тильзитского мира, поставившими королевство на грань национальной катастрофы⁷; происходившую в конце XVIII – начале XIX в. смену философской парадигмы в направлении от рационализма к романтизму и неогуманизму; формирование новой элиты, утверждавшей высшее мерило успеха в рамках карьеры чиновника. Как отразилось все это на творчестве и деятельности Гумбольдта? Обратимся к его биографии.

* * *

Фридрих Вильгельм Кристиан Карл Фердинанд фон Гумбольдт родился 22 июня 1767 г. в Потсдаме. Его семья по линии отца происходила из Поморья и служила Гогенцоллернам с начала Тридцатилетней войны. Отец Гумбольдта, Александр Георг, прусский офицер, входил в круг приближенных Фридриха II и Фридриха Вильгельма II. Мать, Мари Элизабет Коломб, была на 20 лет моложе мужа. Она происходила из семьи французских гугенотов, покинувших Францию после отмены Нантского эдикта в 1685 г. Мари Элизабет принесла роду Гумбольдтов богатство, например, замок Тегель, а также пробудила интерес к утонченным европейским культурным традициям⁸.

Первоначальное образование Вильгельм Гумбольдт получил дома, а в 20-летнем возрасте вместе с младшим братом Александром, будущим ученым-естествоиспытателем, поступил в университет Франкфурта-на-Одере. Через год он переехал в Гёттинген, где слушал лекции крупных ученых того времени – философов Г.К. Лихтенберга и И.Г. Фихте, историка А.Л. Шлецера, филолога Х.Г. Хайне. В доме Хайне Гумбольдт познакомился и подружился с Георгом Фостером и часть своих каникул провел у него в Майнце. Вильгельм обучался в Гёттингенском университете всего четыре семестра: человек весьма обеспеченный, он не нуждался в получении ученого звания. После помолвки с Каролиной Дахерден, также происходившей из богатой семьи, он отправился путешествовать за границу – сначала во Францию, затем в Швейцарию. В Париже Гумбольдт оказался спустя три недели после взятия Бастилии. Начавшаяся революция не вызвала у него большого воодушевления.

⁴ См. *Ruggiero G. de. The History of European Liberalism. London, 1927.*

⁵ *Шарль К. Интеллектуалы во Франции. М., 2005.*

⁶ Там же, с. 179–180.

⁷ Тильзитский мир был подписан 26 июня (8 июля) 1807 г.

⁸ *Berglar P. Wilhelm von Humboldt. Hamburg, 1996, S. 16–17.*

Вернувшись в Германию, он стал судебным чиновником в Берлине, но через год оставил службу. В 1791 г. Гумбольдт женился на Каролине и погрузился в частную семейную жизнь. Однако, и уйдя с государственной службы, он продолжал размышлять о государстве и вскоре опубликовал анонимно свою первую статью "Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией (из письма к другу, август 1791 г.)"⁹. Эта работа вполне вписывалась в контекст смены философской парадигмы в Германии конца XVIII в.

Со времен И. Канта и И. Гердера фундамент немецкого рационализма дал трещину, и в первом сочинении Гумбольдта антирационалистический дискурс проявился очень ярко. "Не сможет удасться ни одна государственная конституция, – писал он, – которая создает государство по заранее намеченному плану как бы с самого начала; может удасться только такая конституция, которая возникла в результате борьбы более мощного случая с противостоящим ему разумом"¹⁰. Автор распространял подобный подход на любые практические мероприятия. Он не утверждал, что принципы французской конституции 1791 г. являются спекулятивными, т.е. не предполагающими ее осуществления, но подчеркивал, что "нельзя давать уроки анатомии на живом теле", а "государственные конституции нельзя навешивать на людей, как побеги на деревья, там, где предварительно не поработали время и природа"¹¹. Гумбольдт задавался вопросом, является ли французская нация достаточно подготовленной, чтобы принять новую государственную конституцию, и отвечал на него так: "Никогда никакая нация не может быть достаточно зрелой для государственной конституции, систематически разработанной только по принципам разума...венок в состоянии сплести лишь память, соединяющая прошлое с настоящим"¹².

Поиск формулы взаимодействия традиции и разума заставил Гумбольдта задуматься об идеале государства, и основу такого идеала он увидел в сфере антропологии: в пробуждении чувства внутреннего достоинства человека, которое отождествлялось со свободой¹³. Это чувство станет краеугольным камнем его будущей политической концепции, утверждающей ценности индивидуума.

Вскоре Гумбольдт закончил еще одно, в будущем очень известное сочинение "О пределах государственной деятельности"¹⁴. Полностью оно было опубликовано лишь после смерти автора, что не случайно: даже среди друзей Гумбольдта в Йене и Берлине это сочинение не встретило понимания. И хотя в дальнейшем, начиная с 40-х годов XIX в., оно оценивалось как программное сочинение европейского либерализма, в те годы молодой Гумбольдт так и не сумел найти издателя, согласившегося опубликовать его целиком¹⁵.

Идея индивидуальной свободы стала структурообразующим принципом этой работы, эпиграфом к которой послужило высказывание Мирабо-старшего – "страстность в управлении государством – самая губительная болезнь современных правительств". Можно спорить о жанре этого произведения: является ли оно политическим трактатом, или скорее принадлежит к формату сочинений по политической философии, или прежде всего иллюстрирует ярко выраженный антропоцентризм системы воззрений автора. Однозначный ответ здесь вряд ли уместен, поскольку на-

⁹ Гумбольдт В. фон. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией, с. 184–189.

¹⁰ Там же, с. 184.

¹¹ Там же, с. 186.

¹² Там же, с. 187.

¹³ Там же, с. 188–189.

¹⁴ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности. Это сочинение известно также в русских переводах под названием "Опыт определения границ государственной деятельности". – Гайм Р. Вильгельм фон Гумбольдт. Описание его жизни и характеристика. М., 1898.

¹⁵ Schulze H. Humboldt oder das Paradox der Freiheit. – Wilhelm von Humboldt: Vortragszyklus zum 150. Todestag. Berlin – New York, 1986, S. 147.

лицо многомерность и синтетический характер сочинения. Р. Гайм, один из первых немецких биографов Гумбольдта, объяснял создание этой работы тем, что ее автор "видел вблизи и возненавидел всю тяжесть назойливого прусского правления посредством указов, так же как и всю сложную машину прусской бюрократии. Он считал своим долгом предостеречь будущего регента архиепископа¹⁶ от пагубности слишком усердного правления и нарисовать картину государства, удовлетворяющегося самыми тесными пределами деятельности. Поэтому вся его система при первом же знакомстве представляется практически обоснованной, имеющей в виду практические результаты, ибо для изображения противоположной системы служили, очевидно, порядки прусского государства"¹⁷. Вместе с тем Гайм отмечал всецело и откровенно теоретический характер сочинения Гумбольдта¹⁸. На интерес к государству с теоретической точки зрения обращал внимание и С. Кэлер, утверждая, что у Гумбольдта это всего лишь юридическая конструкция для ограничения государственного всевластия¹⁹. Западногерманский исследователь Г. Эверс подчеркивал в государственных воззрениях молодого Гумбольдта нравственное понимание данного института²⁰.

Структура этого сочинения свидетельствует о том, что автора прежде всего волновало определение цели государства и рассмотрение спектра политических проблем сквозь призму потребностей индивидуума. Цель и деятельность государства анализируются в корреляции с целью отдельного человека, обсуждаются вопросы религии и нравственности, и только в последующих главах Гумбольдт размышляет о конкретных задачах государства. Автор подчеркивал стремление индивида к идеалу и уточнял, что "образование приближает человека к идеалу", но только свобода – это "возможность неопределенно разнообразной деятельности", а "жажда свободы возникает поэтому слишком часто из сознания ее недостатка" и "расследование пределов деятельности государства должно, как легко можно предвидеть, привести к большей свободе человеческой энергии и к большему разнообразию в положении людей"²¹. Гумбольдт полагал важным выстроить политическое устройство так, чтобы принималось во внимание внутреннее существо отдельной личности.

Высшим идеалом совместной жизни людей было бы, по мнению Гумбольдта, "такое общество, где каждый человек развивался бы только из самого себя и ради самого себя"²². Именно на основе антропоцентристских идей он вывел знаменитую формулу организации государственной деятельности, в рамках которой государство ограничивает свою компетенцию обеспечением безопасности граждан. "И пусть мне будет позволено, – писал Гумбольдт, – противопоставить эту безопасность всем остальным возможным целям государственной деятельности, обозначенным общим именем положительного блага граждан"²³. В данных рассуждениях отчетливо просматривается роль государства в обеспечении наивысшего духовного развития человека.

Принцип свободы определяет оптимальную, по Гумбольдту, форму правления, при этом оптимальной формой правления он считал монархию: "Избрание именно монархической формы представляется доказательством высшей свободы избирающих... Наиболее целесообразным в этом случае будет один единичный предводитель или один судья. Забота о том, что этот единичный предводитель или судья может

¹⁶ Речь идет о будущем регенте архиепископа Майнца.

¹⁷ Гайм Р. Указ. соч., с. 39.

¹⁸ Там же, с. 40.

¹⁹ Kaehler S. Wilhelm von Humboldt und der Staat. Göttingen, 1963, S. 141.

²⁰ Evers G. Ideen zu Staat und Recht. Inaugural Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde einer Hohen Rechtswissenschaftlichen Fakultät der Universität zu Köln. Köln, 1964, S. 56.

²¹ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности, с. 6–7.

²² Там же, с. 16.

²³ Там же, с. 19.

сделаться властителем, недоступна свободному человеку"²⁴. Построения Гумбольдта основываются на осознании человеком его свободы, подтекст очевиден: это ответ на вопрос, как формируется такой индивидуум. Поэтому, предвзято обсуждение конкретно-юридических вариантов заботы государства о безопасности, он считал необходимым рассмотреть эτικο-педагогические аспекты формирования личности.

Под влиянием Просвещения Гумбольдт довольно рано отделился от религии и уже в этой работе занял позицию, характерную для раннего либерализма, призывая к отделению церкви от государства: "Все, что касается религии, лежит вне деятельности государства, и священнослужители, как и вообще все священнодействия, должны быть поставлены в зависимость от общества и не допускают никакого особенного наблюдения со стороны государства"²⁵. Заметим, что этот вывод дался автору нелегко. Он писал: "С одной стороны, следует признать, что религиозные идеи значительно содействуют нравственному совершенствованию, так, с другой стороны, нельзя не сказать, что они вовсе неразрывно связаны с ним. Простая идея духовного совершенствования достаточно возвышенна, полна и возвышающа, чтобы не требовать другой оболочки или формы"²⁶. Гумбольдт разделял близкую гуманистам идею самосовершенствования, которая в конце его жизни все больше будет осмысливаться в терминах христианской символики²⁷. После смерти жены он уже воспринял идею самосовершенствования как спасение души²⁸. Поэтому этическая интерпретация его государственных воззрений вполне уместна, а разрыв с религией был, на наш взгляд, не окончательным.

Контроль за нравственностью также, по мнению Гумбольдта, находится за пределами государственного воздействия и "государство должно вполне воздерживаться от всякого стремления прямо или косвенно влиять на нравы или характер нации...всякое особенное наблюдение за воспитанием, религиозными учреждениями, всякие законы по отношению к роскоши и т. д. лежат вне границ государственной деятельности"²⁹. В рассуждениях Гумбольдта о воспитании, религии, нравственности четко просматривается его безграничная вера в то, что именно отсутствие какого-либо принуждения граждан станет главным фактором всестороннего развития человека. Подобные идеи вполне вписываются в концепцию неогуманизма, который прославляет интеллектуальный труд и внутреннее самосовершенствование человека³⁰.

Эта работа Гумбольдта, с одной стороны, резко диссонирует с предыдущим сочинением, поскольку основной ее особенностью можно назвать умозрительность. Ведь автор заявлял, что "идеал всегда должен жить в душе творца как недостижимый образец"³¹. Но, с другой стороны, проявив потенциал глубокого мыслителя, Гумбольдт поставил вопрос о применении изложенной теории к действительности, точнее, меру соответствия теоретических заготовок реальным политическим изменениям. Он вывел эту проблему на уровень взаимодействия рационализма и традиции в

²⁴ Там же, с. 48.

²⁵ Там же, с. 83.

²⁶ Там же, с. 68.

²⁷ Об этом см. *Humboldt W. von. Briefe: An eine Freundin*. Berlin, 1986.

²⁸ *Bruford W.H. The German Tradition of Self-Cultivation; Bildung from Humboldt to Thomas Mann*. London, 1975, p. 26–27.

²⁹ Гумбольдт В. фон. О пределах государственной деятельности, с. 96.

³⁰ Об идеях Гумбольдта в контексте неогуманизма написано немало, например: *Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*. Berlin, 1909; *idem. Wilhelm von Humboldt und die Reform des Bildungswesens*. Berlin, 1911; *Huebner U. Wilhelm von Humboldt und die Bildungspolitik*. München, 1983; *Spitta D. Menschenbildung und Staat: das Bildungsideal Wilhelm von Humboldts angesichts der Kritik des Humanismus*. Stuttgart, 2006. Э. Шпрангер рассматривал идею гуманности как момент связи между индивидуальным и всеобщим, что, собственно, и открывает, по его мнению, путь к формированию личности. – *Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*, S. 492.

³¹ Гумбольдт В. фон. О пределах деятельности государства, с. 171.

процессе реформаторской деятельности. Как отмечал мыслитель, реформатору необходимо иметь в виду две вещи: "1) чистую теорию, развитую до мельчайших подробностей; 2) современное положение вещей, которое ему надлежит переработать". Но чтобы начать преобразования, нужно, насколько возможно, "начать реформу с образа мыслей людей"³². Так гумбольдтовский идеал образования и актуализация гуманности и индивидуальности, ставшие визитной карточкой великого реформатора, нашли воплощение в понимании феномена государства.

* * *

В начале 1790-х годов Гумбольдт с женой жили в имении Бургернер, уединенном местечке Тюрингии. Оттуда было недалеко до центров духовной жизни – Веймара, Йены, Эрфурта. Он регулярно там бывал, а благодаря жене познакомился с Шиллером и Гёте, которые вскоре стали его личными друзьями и воспитателями художественного вкуса. В 1795 г. в журнале Шиллера "Оры" Гумбольдт опубликовал статью "О различии полов и его влиянии на органическую природу". Статья принесла ему литературную известность³³. В ней Гумбольдт воспевал природное начало, утверждая, что жизнь в своей высшей цели объединяет стремления всех природных сил, а различие полов обогащает ее³⁴. Это различие интересовало его в плане гармонии мироздания, основу которого составляет природа.

Вскоре Гумбольдт вновь отправляется путешествовать – сначала по северу Германии, затем по Европе. Он побывал в Вене, в Париже и в Испании, где зародился его профессиональный интерес к лингвистике. Вернувшись на родину, Гумбольдт поступает на государственную службу. С 1802 по 1808 г. – он посланник Пруссии при папском дворе в Риме. Хотя этот пост во время унижения папского престола Наполеоном не являлся значительным, в жизни Гумбольдта данный период стал важным, поскольку за годы пребывания в Риме он сумел обрести социальный опыт, постичь азы дипломатической деятельности и культурного просветительства³⁵. В Риме Гумбольдт представлял интересы католических прусских подданных, у которых имелись какие-либо проблемы с курией. Кроме того, он был посредником между прусским кабинетом министров и Святым престолом, а также выполнял консульские обязанности в итальянских дворах Генуи, Неаполя, Ливорно. Находясь в Италии, посланник изучал античность, и одна из статей, написанных им в то время, называется "Лаций и Эллада". В ней он противопоставил творческий характер греков склонности римлян к заимствованию. В другом сочинении того периода Гумбольдт подчеркивал, что древние греки – это не просто знающий много полезного народ, а своеобразный идеал³⁶. Его интерес к древним грекам был продиктован и тем, что именно они открыли принципы воспитания человека как целостного существа, которые были унаследованы европейской системой образования. По мнению Гумбольдта, задача немцев состояла в том, чтобы развивать культурные достижения греков, а воодушевление греческим духом охранит прогрессивное развитие немцев³⁷. С целью уко-

³² Там же, с. 177, 175.

³³ *Humboldt W. von. Über den Geschlechtsunterschied und dessen Einfluss auf die organische Natur. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 1–7. Berlin, 1999; Bd. 1. Schriften zur Anthropologie und Geschichte, S. 40–59.*

³⁴ *Ibid.*, S. 58.

³⁵ Об этом подробнее см. *Corradini N. Wilhelm von Humboldt als Preussischer Ministerresident beim Vatikan und seine unveröffentlichte Korrespondenz mit dem Kardinal Staatssekretär nach den Akten des Geheimen Vatikanarchivs, Bd. 1–2. Köln, 2002.*

³⁶ Цит. по: *Berglar P. Op. cit.*, S. 73–74.

³⁷ *Humboldt W. von. Über das Studium des Altertums, und des Griechischen insbesondere. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 2. Schriften zur Altertumskunde. Übertragungen, S. 7–24. Об этом также подробнее см.: Yavetz Z. Zeitgeist und deutsche Althistoriker in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts. Sonderdruck aus des Instituts für Deutsche Geschichte, VII, 1978 Universität Tel-Aviv, S. 256–258.*

рения на немецкой почве греческого духа Гумбольдт много занимался переводами с греческого. В Риме он начал работать над переводами эсхиливского "Агамемнона" и од Пиндара³⁸. Тексты Пиндара признаются специалистами очень сложными, и их перевод свидетельствует о неординарных лингвистических способностях немецкого ученого.

Гумбольдта воспринимали в Риме как представителя немецкой культуры, и он, знаток и поклонник античности, стал своеобразным центром притяжения, что в дальнейшем сыграло немаловажную роль для развития германо-итальянских культурных связей. За время пребывания при папском дворе прусский посланник завоевал внимание и дружбу кардинала Консалви. Впоследствии, во время Венского конгресса, Гумбольдт фактически представлял интересы папы, способствуя возвращению в Папскую область Равенны, Болоньи, Феррары, а также многих произведений искусства. В Риме Гумбольдта постигло страшное несчастье: здесь умерли два его сына – Вильгельм и Густав. Мальчики были похоронены на римском некрополе в кладбище. Понтифик лично подарил Гумбольдту место для захоронения детей.

* * *

За годы пребывания Гумбольдта в Риме в Пруссии произошли серьезные изменения. 14 октября 1806 г. она потерпела катастрофическое поражение под Йеной и Ауэрштедтом, а через две недели французская армия заняла Берлин. Тильзитский мир, заключенный в 1807 г., поставил Пруссию на грань национальной катастрофы: она потеряла 46% населения, 49% территории, уплатила контрибуцию в 140 млн. франков. Численность ее армии теперь не должна была превышать 42 тыс. человек. Административная система Фридриха Великого оказалась нежизнеспособной.

Реформы, предпринятые в такой ситуации, стали одним из вариантов оборонительной модернизации и ответом на вызовы Французской революции. Главная цель этих реформ состояла в том, чтобы усовершенствовать государственный аппарат – основу для дальнейших перемен. Канцлер К. Штейн произвел реформу центральных учреждений. Изменения коснулись и местных органов власти: были созданы органы самоуправления в городах. Важнейшей реформой министерства Штейна стала отмена крепостного права 9 октября 1807 г. В 1810–1812 гг. из-за крайнего дефицита государственной казны начались финансовые реформы. Одной из составляющих модернизации было разрушение цеховой системы. В 1807 г. реформированию подверглась и армия. Проводя преобразования, прусские военачальники Г. Шарнхорст, А. Гнейзенау и Г. Бойен, стремились создать боеспособную армию, укрепить ее боевой дух, обеспечить условия для развития личной инициативы военных. Прежде всего в армии отказались от сословных привилегий: были упразднены привилегии дворян на получение офицерских званий, отменены телесные наказания для солдат. Численность и боеспособность армии повышалась за счет введения крюмперской системы: всех военнообязанных на месяц призывали в полки для обучения. К 1811 г. численность обученных резервистов достигла в Пруссии 35 тыс. человек, и таким образом удалось обойти запрет на предельную численность армии в 42 тыс. человек.

Утверждению в прусском обществе принципов индивидуализма послужило введение в 1812 г. гражданского равенства евреев. С помощью всех этих реформ бюрократия прежде всего отстаивала политический суверенитет Пруссии, сохраняя традиции. Права личности не отвергались, но подчинялись ценности национальной общности и государственности. Следует заметить, что требование реформаторов ввести конституцию осталось без ответа.

³⁸ *Humboldt W. von. Äshylos Agamemnon. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 2, S. 130–212; idem. Übersetzte Pindarische Oden. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 2, S. 213–283.*

В 1808 г., в разгар реформ, стремясь принять участие в преобразованиях, Гумбольдт приехал в Кёнигсберг, где обосновалось прусское правительство. Ему поручили департамент просвещения. Он начал активную деятельность по реформированию школьного и университетского образования, а в 1810 г. основал Берлинский университет.

В основе гумбольдтовского университета лежали принципы академической свободы и единства исследования и преподавания. Такой университет был свободен как от влияния церкви, так и от государственной опеки в сфере науки и образования и организован, подобно привилегированной корпорации, на основе самоуправления. Средневековый университет тоже придерживался корпоративного порядка, но его научная и педагогическая неэффективность привели к закрытию многих учебных заведений такого типа и созданию высших школ под патронажем государства (особое распространение этот процесс получил во Франции). В университете Гумбольдта академическая свобода понималась как право профессоров выбирать предметы для изучения без ограничения со стороны стандартных программ. Поддерживая индивидуальное стремление к познанию и свободу науки, Гумбольдт, тем не менее, сформулировал главную преференцию университетского образования так: "умственная деятельность в человечестве развивается только как совместная деятельность"³⁹ и необходимо наладить диалог между университетскими исследователями и преподавателями, с одной стороны, и студентами – с другой; студент в рамках обучения должен не столько овладевать готовым знанием, сколько развивать самостоятельность мышления и быть дополнительной инстанцией для проверки тезисов преподавателя-исследователя.

Гумбольдт четко указал, где пролегает граница между школой и университетом: "Особенность высших научных заведений состоит в том, что для них наука всегда представляет собой проблему, еще не нашедшую своего окончательного решения, и поэтому они постоянно занимаются исследованиями, в то время как школа имеет дело только с готовым и бесспорным знанием. Следовательно, отношения между учителем и учеником в высших научных заведениях становятся совершенно иными, чем прежде"⁴⁰. Он понимал, что реализация предложенной им модели зависит от уровня школьного образования и поэтому выступал за реформирование гимназий, потребовав введения обязательного выпускного экзамена. Гумбольдтовская модель университета зиждется на единстве исследования и преподавания, университет был исследовательским центром. Именно это станет главной особенностью "немецкого классического университета": отныне там будут процветать академические дисциплины. Философия превращалась в своеобразного арбитра для остальных дисциплин, поскольку именно она в методологическом плане систематизирует научное познание в целом.

В ходе реформ философский факультет полностью сравнялся по статусу и оплате профессуры с другими университетскими факультетами: он мог присваивать высшие университетские степени, т.е. стал выпускающим, а не подготовительным, как прежде. Государство должно было, по мнению Гумбольдта, оказывать университету финансовую поддержку и назначать университетских преподавателей⁴¹, что, безусловно, нарушало принципы самоуправления, но защищало свободу, так как сохранялось столь важное для индивидуума стремление к разнообразию.

После 1810 г. эту модель заимствовали другие немецкие университеты. Больше уже не происходило университетских кризисов, и начался весьма устойчивый рост набора студентов. "Система в целом входила в период контролируемого расширения, который продолжался и в 1900-х гг.", – утверждал Р. Коллинз⁴², а Г. Шнедельбах

³⁹ Гумбольдт В. фон. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002, с. 844.

справедливо замечал: "Период между 1831–1933 гг. – это столетие неоспоримого мирового значения немецкоязычной науки, которая по своему существу является университетской наукой"⁴³.

* * *

Гумбольдт не успел в полной мере проявить себя на поприще просвещения. В 1810 г. он был отправлен в отставку, которую воспринял весьма болезненно. Получив пост прусского посланника при Венском дворе, он отправился в Австрию.

По пути в Вену Гумбольдт заехал в Прагу специально для того, чтобы познакомиться с проживавшим здесь бывшим канцлером Штейном. Их сближало краткое, менее года, пребывание на государственных постах, которые они впоследствии, после возвращения на государственную службу, занимать уже не будут, а также общность идей, стремление к реформированию Пруссии. Оба они были энергичными реформаторами, а не функционерами-технократами. С новым канцлером Пруссии К.А. фон Гарденбергом у Гумбольдта отношения не сложились. Тот позволял себе, минуя своего посланника, напрямую контактировать с австрийским канцлером Меттернихом.

Вплоть до вступления Пруссии в войну против Наполеона на стороне России 16 марта 1813 г. Гумбольдт не слишком активно проявлял себя на дипломатическом поприще, хотя и стремился быть хорошо информированным, готовил почву для будущего австро-прусского альянса. В доме прусского посланника в Вене кипела интеллектуальная жизнь: частыми гостями здесь были поэт Т. Корнер, философ Ф. Шлегель, писатель А. Мюллер. К узкому кругу интеллектуалов иногда присоединялся и Меттерних. В тот период Гумбольдт находил время для занятий наукой: он много работал над переводом эсхилиевского "Агамемнона", изучал баскский язык, а также языки американских индейцев. В октябре 1813 г., сопровождая армию австрийского императора, Гумбольдт оказался в Лейпциге, где наблюдал за "Битвой народов". Гарденберг заваливал его работой: он должен был готовить многочисленные ноты и обеспечивать их доставку в Париж.

Вернувшись в Вену, в декабре 1813 г. Гумбольдт написал барону Штейну подробную записку о Германской конституции, которую вполне можно назвать меморандумом⁴⁴. Автор не просто радовался разрушению созданного Наполеоном Рейнского союза – он предлагал хорошо продуманный проект объединения Германии⁴⁵. Главным аргументом в пользу единства была для него необходимость защититься от Франции. Это, по мнению Гумбольдта, стало бы возможным, если бы немецкая нация являлась "свободной и сильной...так как только сильная в глазах других нация сохраняет в себе дух, из которого проистекают все ее внутренние действия; нужно быть сильной и свободной, чтобы поддерживать чувство собственного достоинства, спокойно и без помех отстаивать свое национальное развитие и занять достойное место среди других европейских наций"⁴⁶. Основы единства Гумбольдт видел не только в общих нравах, языке, литературе, но и в воспоминаниях об общих правах и свободах, о совместной борьбе с опасностями, которые создавали связь между отцами и сохранились в памяти внуков. Столь затянувшуюся раздробленность Германии он объяснял страхом перед нарушением европейского равновесия, а также суще-

⁴³ Шнедельбах Г. Указ. соч., с. 1.

⁴⁴ Меморандумом обычно называют дипломатический документ, являющийся предметом переписки, в котором детально излагается существо вопроса.

⁴⁵ *Humboldt W. von. Denkschrift über die deutsche Verfassung an den Freiherrn vom Stein. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 7 Schriften zu Politik und Verwaltung, S. 7–25.*

⁴⁶ *Ibid.*, S. 8.

ствованием австро-прусского дуализма, вредившего делу становления немецкой нации⁴⁷.

В теоретическом плане исходным пунктом размышлений Гумбольдта о нации был индивидуум. Нация, в его представлении, являлась ступенью между индивидуумом и человеческим родом в целом, поэтому создание единого национального государства вело к развитию всех сил личности. Он выдвинул лозунг: "Одна нация, один народ, одно государство!"⁴⁸.

Гумбольдт не подвергал сомнению необходимость объединения, он только задавался вопросом, как Германия должна это сделать. Он считал, что восстанавливать старое имперское устройство было бы очень нежелательно, однако под старым именем можно сформировать новое политическое единство. Достигнуть этого можно двумя путями: создав реальную конституцию или только союз. Постреволюционный синдром заставил Гумбольдта с предубеждением относиться к французским конституциям конца XVIII в. Он писал: "Все конституции, отличавшиеся долговечностью, соответствовали своему времени... Но в нашем времени не существует формы, которая могла бы стать основой для устройства Германии; более того, все так называемые конституции вследствие жалкого состояния и хрупкости, со времен Французской революции повторявшиеся до отвращения, попали в правовом плане в неблагоприятную ситуацию"⁴⁹. Поэтому Гумбольдт полагал, что в первую очередь нужно стремиться к созданию Союза государств, а не к принятию конституции.

В состав Союза, полагал он, должны войти отдельные государства и крупных среди них должно насчитываться не более четырех или пяти⁵⁰. Союз предусматривал свободное и равное объединение суверенных правителей, а его цель состояла в обеспечении спокойствия, независимости и безопасности Германии, основанной на законах отдельных немецких государств. Гарантии существованию Союза должны были обеспечить крупные европейские державы – Россия и Англия, а гарантии взаимных прав отдельных немецких государств – Австрия, Пруссия, Бавария, Ганновер, которые обладали в этом вопросе равными полномочиями⁵¹. Союз заключался на "вечные времена, и каждая его часть отказывалась от права когда-либо из него выйти"⁵².

Условия существования данного образования базировались на таких важных основах, как внешнее и внутреннее государственное право и законодательство. К внешнему праву относилась обязанность каждого правителя заботиться о безопасности общего отечества и предоставлять в распоряжение Союза воинские контингенты, но правом объявления войны и заключения мира обладали только Австрия и Пруссия. Гумбольдт объяснял это тем, что лишь они были самостоятельными субъектами европейской политики⁵³. Оговаривалось, что в результате заключения мирных конвенций не должны нарушаться права отдельных немецких государств⁵⁴. В разделе меморандума "Внутреннее государственное право" речь шла о создании или возрождении сословных представительств в каждом государстве Союза. Отдельно отмечалось, что они не должны рассматриваться как противовес правительству⁵⁵.

Проекту Гумбольдта не был присущ характерный для теории и практики раннего либерализма немецкого юго-запада дуализм между правительством и представительством. Он несколько иначе понимал назначение представительства, что, на наш

⁴⁷ Ibidem.

⁴⁸ Ibid., S. 9.

⁴⁹ Ibid., S. 10.

⁵⁰ Ibid., S. 12.

⁵¹ Ibid., S. 13–14.

⁵² Ibid., S. 14.

⁵³ Ibid., S. 15.

⁵⁴ Ibid., S. 16.

⁵⁵ Ibid., S. 18.

взгляд, определяется особенностями Пруссии, где традиционно сильным было государство именно в его бюрократическом, управляющем варианте. Но Гумбольдт не призывал к созданию единообразных представительств в каждом немецком государстве, полагая, что нужно выработать лишь общие принципы, а разнообразие, соответствующее традициям каждого региона, пусть сохранится, так как отрицание своеобразия "принадлежит к опаснейшим приемам, которые могут возникать из-за неправильного понимания соотношения теории и практики"⁵⁶. Однако Гумбольдт осознавал, что вмешательство правительства в дела сословного представительства должно находиться под контролем четырех крупных немецких государств.

В документе показаны особенности организации гражданского и уголовного процесса в немецких государствах, входящих в Союз, провозглашалась свобода передвижения граждан, запрещалась высылка преступников, бродяг и подозрительных лиц⁵⁷. Особое внимание Гумбольдт обращал на право граждан обучаться в любом немецком университете, подчеркивая, что именно от этого зависит прогресс гуманитарного образования во всей Германии, "кроме того, это необходимо и с политической точки зрения"⁵⁸. Созвучные идеи он высказывал в работе "Размышления о всемирной истории", опубликованной в 1814 г. Одним из итогов его рассуждений стал тезис о том, что "нация также является индивидом", а "человек по своей природе интеллектуален". И он обозначил три силы, "определяющие судьбы человеческого рода – это порождение, воспитание и инерция", при этом особое значение отвел воспитанию⁵⁹. Таким образом Гумбольдт вновь нашел место для утверждения своих антропологических идей.

Проект создания единого немецкого государства был представлен Венскому конгрессу, в котором Гумбольдт принимал участие вместе с канцлером Гарденбергом. Гумбольдт великолепно проявил на конгрессе свои дипломатические способности. Именно в нем мастер тонкой дипломатической игры Талейран обрел достойного соперника. "Интригой Гумбольдта были прения, – отмечал Гайм. – Единственным его оружием, служившим ему как для защиты, так и для нападения, была его непобедимая и неутомимая проницательность... Приобретенное им долгими годами знание людей давало ему возможность разбираться в практических вопросах с такою же тонкостью, с какой он прежде анализировал высшие проблемы метафизики, вопросы антропологии, эстетики или грамматики. Легко открывал тайные намерения и задние мысли противника. Без труда находил он в споре слабые его стороны, обходя сильные, и брал над ним перевес. Во время самого продолжительного и сильного бега он сохранял спокойное и сильное дыхание, тогда как его противник давно уже пыхтел и задыхался. Он был неистощим в возражениях и во всякого рода дистинкциях. Первыми он утомлял, вторыми смущал. Талейрановское искусство молчания не могло справиться с его мастерством речи"⁶⁰. Гумбольдт приложил все силы, всю волю для реализации плана Пруссии. Он поражал трудолюбием и был неутомим: принимал участие во всех значительных переговорах, деятельно участвовал в редактировании актов конгресса, его никогда не видели праздно прогуливающимся.

Акт об устройстве Германского союза обрел более совершенную юридическую форму в проекте, представленном Венскому конгрессу на французском языке⁶¹. В нем нашли четкое юридическое оформление те идеи, которые Гумбольдт долго вы-

⁵⁶ Ibidem.

⁵⁷ Ibid., S. 20–21.

⁵⁸ Ibid., S. 22.

⁵⁹ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории. – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры, с. 284–286.

⁶⁰ Гайм Р. Указ. соч., с. 269.

⁶¹ Humboldt W. von. Constitution Germanique, 1814. Bases qui pourraient servir de norme au comité qui sera chargé de la rédaction de la constitution Germanique. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 7. Schriften zu Politik und Verwaltung, S. 26–32.

нашивал. Вопросы целей Союза, его состав, особенности внешней политики совпадали с изложенными в меморандуме. Но здесь Гумбольдт показал, как будет организовано управление. В статьях 11—13-й указывалось, что совместные интересы Союза регулируются Союзным собранием, которое возглавляется Союзным комитетом, состоящим из депутатов от Австрии, Пруссии, Ганновера и Баварии, а Союзное собрание состоит из Союзного комитета и депутатов всех остальных немецких государств. В принципах взаимодействия Союзного комитета и Союзного собрания проявилось неприятие Гумбольдтом модели разделения властей Ш. Монтескье. По сути, Союзный комитет выполнял функции исполнительной власти – решал вопросы войны и мира, ему подчинялась армия, в его компетенции было право заключать все международные договоры⁶². Одновременно он входил в состав Союзного собрания. Все это представляло довольно запутанную картину с точки зрения принципа разделения властей. В статье 17-й указывалось на ежегодный созыв Союзного собрания, тогда как Союзный комитет действовал постоянно. Предусматривалось создание суда Германского союза. В документе отмечалось, что при сохранении немецких государств осуществляется деление территории Союза на округа, что необходимо для исполнения решений Союзного собрания и комитета в сфере обороны и организации юстиции⁶³.

В качестве дополнения к акту Гумбольдт подготовил еще один документ – "Изложение прав всех немецких подданных вообще, а также вассальных принцев и графов, в частности", где речь шла о правах и свободах граждан. Эти права не просто декларировались, но и гарантировались примерно таким же образом, как это было сделано в английском "Habeas corpus act" (статьи 1–3-я). В этом документе Гумбольдт предусмотрел "осторожное пользование свободой". Так, например, свобода прессы могла быть ограничена оправданной и разумной цензурой (статья 4-я)⁶⁴.

Представленный им вместе с канцлером Гарденбергом план объединения Германии потерпел фиаско, не увенчались успехом и переговоры по поводу уступки Германии Эльзаса. Вместо единого государства по решению Венского конгресса возник Германский союз, основы устройства которого были урегулированы Союзным актом. В статье 18-й была обещана свобода печати: "Сверх того Сейм"⁶⁵ при первом собрании своем должен будет заняться постановлением общих однообразных узаконений о свободе книгопечатания и изысканием средств предохранить авторов и издателей от наносимого им вреда перепечатыванием книг без их согласия"⁶⁶.

Позже, в начале 1816 г., Гумбольдт написал канцлеру Пруссии докладную записку "О свободе печати"⁶⁷. Автор соглашался, что вместо цензуры возможна ответственность перед судом, что цензура раздражает, ведет к недоверию и противоречию. Вместе с тем, отмечалось в записке, свободой прессы можно злоупотреблять, но установить факт злоупотребления довольно сложно⁶⁸. Здесь же Гумбольдт попытался определить суть такого злоупотребления. В итоге он заявил о необходимости сочетания большой свободы и "непоколебимой бдительности", поиска границы между благом всех и достоинством писательской корпорации⁶⁹.

⁶² Ibid., S. 28.

⁶³ Ibid., S. 30.

⁶⁴ Ibid., S. 33.

⁶⁵ Имеется в виду Союзный сейм, который являлся высшим органом Германского союза. По типу государственного устройства Германский союз был союзом немецких государств, в который входили 34 государства и 4 вольных города.

⁶⁶ Акт о конституции Германского союза, подписанный в Вене 8 июня 1815 г., см. *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 3. СПб., 1876, с. 446.

⁶⁷ *Humboldt W. von. Über Pressefreiheit. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 7. Schriften zu Politik und Verwaltung, S. 35–41.*

⁶⁸ Ibid., S. 35.

⁶⁹ Ibid., S. 38.

Рассуждая о цензуре, Гумбольдт, однако, высказался против жесткого контроля, хотя и признал целесообразным "подчинить писателей, издателей и типографии (так как все они принимают участие в процессе публикации) действенной цензуре"⁷⁰. Конечно, Гумбольдт призывал к контролю общества за государством и, понимая всю двойственность своих рассуждений, писал: "Невозможно, чтобы существовавшее до сих пор законодательство оптимально соответствовало новым целям, поэтому оно должно только приспособливаться"⁷¹. Об общественном мнении Гумбольдт практически в этой связи серьезно не упоминал, что выглядит довольно странным, так как именно общественное мнение является гарантом свободы печати⁷². По-видимому, обнаруженная непоследовательность в решении вопроса о свободе печати связана с кредо Гумбольдта, суть которого – взаимодействие традиции и новации. Обстоятельства прусской реальности эпохи Реставрации все больше акцентировали традиционное в его политических идеях, заставляя ростки нового. Правда, новое в несколько иных ипостасях все же "прорастало".

В 1817 г. Гумбольдт был введен в состав Государственного совета и вошел в комиссию по выработке проекта конституции. Однако канцлер Гарденберг относился к нему с большим опасением – такой соратник был для него источником постоянной зависти и беспокойства, – и с подачи Гарденберга 11 сентября 1817 г. Гумбольдта направили посланником в Лондон. Оттуда он возвратился спустя год, чтобы занять пост прусского посланника в территориальной комиссии во Франкфурте-на-Майне. 11 января 1819 г. Гумбольдт стал министром по сословным делам.

Вопрос о конституции был одним из центральных для либеральных политиков Пруссии и Германского союза⁷³ накануне и в период Реставрации. Конечно, конституционная проблема волновала Гумбольдта больше в контексте достижения единства, но и сама по себе продолжала интересовать его. Одна из гумбольдтовских работ на эту тему – записка барону фон Штейну, ставшему государственным министром, от 4 февраля 1819 г. "Об учреждении земельных сословных конституций в прусских государствах"⁷⁴. В ней Гумбольдт рассуждал о целях сословно-земельных учреждений, об их формировании, деятельности и о том, как их следует вводить. Цели он разделил на объективные и субъективные. К первым относились улучшение управления, его устойчивость, упрощение и малые затраты на деятельность таких учреждений благодаря информативности и развитию управления на местах. К субъективным целям он причислял обретение человеком гражданского смысла своей деятельности, что вело, по его мнению, к повышению личной нравственности и заставляло соединять значение своей деятельности с благом сограждан. Гумбольдт вычленил еще и третий аспект целей – формирование общественного мнения⁷⁵. В этой записке он не рассматривал сословно-земельную конституцию как оппозицию короне. Проявление оппозиционности он видел во всеобщем распространении государственных органов. Политик замечал, что вследствие "падающего авторитета дворянства государственное чиновничество приобретает все больший вес и поэтому каждый человек стремится попасть в его ряды"⁷⁶. Видимо, и сам он не являлся ис-

⁷⁰ Ibid., S. 40.

⁷¹ Ibid., S. 37.

⁷² Об этом подробнее см. *Ростиславлева Н.В.* Политическая пресса в немецком герцогстве Баден в 20–30-е годы XIX века. – Европейский альманах. История, традиции, культура. М., 2003, с. 96.

⁷³ С 1814 до 1830 г. конституции были приняты в 15 германских государствах.

⁷⁴ *Humboldt W. von. Über die Einrichtungen landständischer Verfassungen in den preussischen Staaten. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 7. Schriften zu Politik und Verwaltung, S. 105–154.* (На русский язык переведены фрагменты этой работы. См. *Гумбольдт В. фон.* Об учреждении земельных сословных конституций в прусских государствах, с. 190–197.)

⁷⁵ Ibid., S. 106–107.

⁷⁶ Ibid., S. 106.

ключением: несмотря на серьезные интриги со стороны канцлера Гарденберга, Гумбольдт продолжал находиться на государственной службе.

Пользу сословных собраний он оценивал с точки зрения выработки ими твердых принципов деятельности, считая это своеобразной гарантией их существования. Гумбольдт подчеркивал необходимость ответственности этих собраний перед сословиями, но главное – перед королем, который обретет в их лице помощников. Он не хотел, чтобы эти собрания создавали новые законы и учреждения, способные выродиться в пустые фантазии, а также полагал, что они не должны стать элементом неожиданных новаций, поэтому такие собрания не могут формироваться на основе участия всей народной массы (как это имело место во Франции). Граждан к управлению следовало привлекать постепенно. Гумбольдт выказывал явный пиетет власти, государству, которое призвано политически просвещать граждан. Он не разделял мыслей Канта, утверждавшего, что "Просвещение – это выход человека из состояния своего несовершеннолетия... Но более возможно, и даже почти неизбежно, что публика сама себя просветит, если только предоставить ей свободу... публичное пользование собственным разумом всегда должно быть свободным, и только оно может дать просвещение людям"⁷⁷. Гумбольдт высказывался за слабо выраженные конституционные формы, но выступал за присутствие в этих конституциях таких прав, как личная безопасность, защита собственности, свобода совести и печати⁷⁸.

Участие народа в рассмотрении вопросов внутренней и внешней политики допускалось, однако, как отмечал мыслитель, если это происходит без практической основы, то приносит мало пользы и вообще вредно. Гумбольдт полагал, что необходимо создать внутри различных провинций единство и прочную связь, не уничтожая их своеобразия, так как именно это обеспечит сотрудничающую с правительством нравственную силу народа. Итак, сословные учреждения, по Гумбольдту, ввести необходимо, но не следует считать их противовесом правительству. Наоборот, правительство – это орган, ограничивающий их влияние, что и ведет к равновесию властей. "Законодательная, контролирующая и некоторым образом также административная деятельность правительства, – писал он, – должны разделяться между органами государства и органами народа, выбранными в различных политических подразделениях, чтобы те и другие, находясь всегда под верховным надзором правительства и имея точное разграничение прав, сходились... в общей работе"⁷⁹. Подобную модель отношений Гумбольдт распространял на все политические организации народа, а не только на избираемые, полагая, что у сословий будет доминировать принцип сохранения, у правительства – стремление к улучшению. Он продолжал верить в реформаторский потенциал государства, т.е. и в 1819 г. по-прежнему стоял на позициях бюрократического либерализма. Если отношения сословных органов и государства не складывались, то это, по его мнению, было либо результатом больших злоупотреблений государства, либо ненадлежащим формированием народных органов.

В вопросе об избирательном праве Гумбольдт не всегда придерживался принципов индивидуальной свободы. Он выступал против введения единого избирательного закона, мотивируя это слишком большими различиями и своеобразием отдельных провинций Пруссии⁸⁰, а также тем, что верхняя палата общепруссского сословного собрания должна состоять из представителей аристократии и не являться выборной. Тогда как нижняя палата должна состоять из дворян, представителей прочих собственников и городов, т.е. тех корпораций, на основе которых формируются провинциальные чины⁸¹. Именно провинциальные собрания были обязаны направлять своих представителей в общепруссский сословный орган.

⁷⁷ См. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? – Кант И. Соч., т. 1–6. М., 1966; т. 6, с. 27–29.

⁷⁸ Humboldt W. von. Über die Einrichtungen landständischer Verfassungen in den preussischen Staaten, S. 107.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Ibid., S. 145–146.

⁸¹ Ibid., S. 142.

Выборам в провинциальные сословные учреждения Гумбольдт уделил несколько больше внимания: он подчеркивал, что в их рамках необходимо соблюдать традиции своих провинций, требовал личного знакомства избираемого и избирателей, а также возражал против многоступенчатых выборов, полагая, что они должны быть прямыми, но с соблюдением корпоративного принципа. Оптимальной Гумбольдт считал организацию выборов один раз в семь-восемь лет, допускал повторное избрание прежних депутатов и не видел необходимости в контроле выборов со стороны общественности⁸². Традиционный способ формирования сословных учреждений был ему явно ближе, нежели революционные изменения представительства эпохи Французской революции.

Сословно-земельное устройство в Пруссии должно было, по представлению Гумбольдта, развиваться в рамках столь любимого им тандема "традиция – новация". Он писал: "Есть старое и мудрое правило: чтобы укорениться в качестве родных и отечественных, новые мероприятия и учреждения должны примыкать к существующим"⁸³. Новейшие конституции, по его мнению, не годились для прусского варианта: сущность английской невозможно было копировать, американская вообще не имела под собой ничего традиционного, а французская разрушила все традиции и этот образец не следовало использовать. "В Германии, – отмечал он, – продолжает сохраняться много старого, что не нуждается в упразднении и не может быть упразднено без значительной утраты при этом глубокого нравственного смысла"⁸⁴. Сфера деятельности сословных органов, которую Гумбольдт не относил к компетенции правительства, а ставил лишь под его верховный надзор, ограничивалась обязанностью представлять правительству требуемые рекомендации и правом направлять предложения⁸⁵.

Гумбольдта как либерального мыслителя можно было бы упрекнуть за ограниченность прерогативы сословного представительства, но с точки зрения его общеполитических представлений все выглядит безукоризненно, поскольку критерием идеальной прусской конституции он объявлял нравственное развитие личности. Политические идеи мыслителя находили продолжение в его образовательной концепции и проявлялись в некоторых ракурсах его лингвистических штудий.

В конце 1819 г. в знак протеста против принятия Карлсбадских решений⁸⁶ Гумбольдт ушел в отставку. Однако, осуждая эти решения, он подверг критике не прусское государство, а исключительно политику Венского двора⁸⁷. Он полагал, что Союзный сейм не имеет права предписывать, что делать каждому немецкому государству⁸⁸. Гумбольдт требовал, чтобы эти решения были признаны результатом обстоятельств и рассматривались как чрезвычайные⁸⁹. Либерал, сторонник свободы, реформатор образования, он не мог одобрить решения, ужесточившие цензуру и вводившие контроль над университетами, но, даже критикуя, он не желал бросать тень на короля Пруссии. "Огромная часть нации, – писал Гумбольдт, – выражает Вашему величеству свою непоколебимую верность и чувствует себя счастливо и спокойно благодаря Вашему королевскому величеству и законам, которые считает наивысшим проявлением Вашей мудрости"⁹⁰. Через 11 лет король вернул Гумбольдта в

⁸² Ibid., S. 147–150.

⁸³ Ibid., S. 112.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ Ibidem.

⁸⁶ Решения Союзного сейма, принятые на конференции в Карлсбаде в сентябре 1819 г., были направлены против национальных и либеральных сил, особенно против университетской молодежи.

⁸⁷ *Humboldt W. von. Über Karlsbader Beschlüsse, 1819. – Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 7. Schriften zu Politik und Verwaltung, S. 159–160.*

⁸⁸ Ibid., S. 157.

⁸⁹ Ibid., S. 160.

⁹⁰ Ibid., S. 167.

Государственный совет, наградил орденом, но нового витка политической карьеры за этим не последовало.

На протяжении всей своей жизни Гумбольдт проявлял интерес к карьере чиновника. Это полностью соответствовало умонастроениям прусской элиты. В 1816 г., например, в немецкой газете "Афоризмы" гражданская служба активно восхвалялась и подчеркивалось ее значение, в противовес военной службе, что подтверждает ведущую роль чиновников в прусском государстве⁹¹.

* * *

В историографии Германии существуют исследования как о политических взглядах Гумбольдта, так и о его государственной деятельности. Так, Г. Эверс подчеркивал особую роль Гумбольдта-политика в пробуждении моральных сил нации и в понимании ею того, что "государство – это не только средство внешнего давления, но подвижное сообщество духовно-нравственных сил"⁹². В. Кноп в рамках чтений, посвященных 150-летию со дня смерти Гумбольдта, обратил внимание на патриотическую составляющую его государственной деятельности⁹³. Х. Шульце в статье "Гумбольдт и парадоксы свободы" увидел в причинах постигшей его неудачи в политике парадигмальные черты, которые могут быть объяснены лишь с позиций сегодняшнего дня. Гумбольдт, по мнению Шульце, стоит "у истоков современной просвещенной Европы, где индивидуальная свобода, как и свобода наций, является предвосхищением нового столетия"⁹⁴. Плодотворность политических идей Гумбольдта Шульце также связывал с мыслью о том, что политика, опирающаяся на одну лишь государственную идею, ведет к страшным катастрофам⁹⁵. А. Ибинг предложил интерпретацию политических взглядов Гумбольдта с точки зрения принципов вальдорфской педагогики, получившей развитие в XX в., обращая наше внимание прежде всего на связь в государственной концепции основателя Берлинского университета внешней деятельности с непосредственным духовным развитием личности. Подчеркивая глубокое противоречие государственного интереса с внутренним участием личности, автор утверждает, что Гумбольдт видел возможность его преодоления только в сфере образования⁹⁶.

С 1820 г. Гумбольдт целиком посвятил себя науке. Берлинская Академия наук еще 10 лет назад избрала его своим членом. Он проявлял большой интерес к осмыслению исторического процесса и, вполне возможно, уйдя в отставку, собирался посвятить себя философии истории. Как уже отмечалось, в 1814 г. Гумбольдт опубликовал статью "Размышления о всемирной истории", а в 1818 г. – работу "Размышления о движущих причинах всемирной истории"⁹⁷. Признавая идею прогресса исторического развития и рассматривая вслед за Кантом и Гердером человечество как часть природы, он считал самым важным в понимании всемирной истории наблюдение за продвижением, преобразованием, а подчас и гибелью духа человечества. Гумбольдт писал: "Однако природа и дух не пребывают в борьбе друг с другом: напротив, дух использует природу и ее созидательную силу"⁹⁸, и поэтому задача исто-

⁹¹ Государственный архив Российской Федерации, Особая канцелярия МВД, ф. 1165, 1816, оп. 3, д. 2, л. 5.

⁹² Evers G. Op. cit. S. 132.

⁹³ Knopp W. Wilhelm von Humboldt – Ein Staatsmann in Preussen. – Wilhelm von Humboldt Vortragszyklus zum 150. Todestag, S. 46.

⁹⁴ Schulze H. Op. cit., S. 167.

⁹⁵ Ibid., S. 168.

⁹⁶ Ibing A. Neuorientierung des Staatsbewusstseins. Die Staatsauffassung Wilhelm von Humboldts und die Erweiterung ihrer Anregungen durch Rudolph Steiner. Inaugural-Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Philosophie am Fachbereich Politischer Wissenschaft der Freien Universität. Berlin, 1979, S. 192–194.

⁹⁷ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории. – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры, с. 279–286; его же. Размышления о движущих причинах всемирной истории. – Там же, с. 287–291.

⁹⁸ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории, с. 282.

рика – "изобразить стремление идеи обрести бытие в действительности"⁹⁹. Он призывал не абсолютизировать роль разума в развитии человечества, а обратить внимание на возможности "индивидуальных форм", воспитание и "на неуклонное следование отдельными народами однажды избранным ими путем"¹⁰⁰.

Причины мировых событий Гумбольдт сводил к трем факторам – природе вещей, свободе человека и велению случая. Размышляя о природе вещей, он отмечал связь между развитием народа и языка. Рождение нового он связывал с областью свободы и отождествлял ее с творческой силой человека, а к сфере случайного относил влияние на ход мировой истории глубоких страстей¹⁰¹. Эти гумбольдтовские работы, посвященные истории, носят довольно схематичный характер, напоминая заметки, к которым автор, видимо, планировал вернуться позже.

12 апреля 1821 г. состоялось выступление Гумбольдта в Академии с докладом "О задаче историка"¹⁰², где он попытался рассмотреть познание истории в контексте антропологических, эстетических и лингвистических идей. В его докладе получил развитие извечно волновавший историческое знание вопрос, как сделать историческое познание истинным. "В исторических фактах мы обретаем основу истории, ее материал, но не саму историю... Истинность всего происходившего требует добавления... недоступной взору части каждого факта...ее и должен привнести историк"¹⁰³, – отметил Гумбольдт. Он полагал, что историк может работать как художник, обращаясь к фантазии, но только подчиняя ее опытным данным, согласовывая с законами духа идеи, отражающего действительность, используя интуицию, чтобы постигнуть то, что факты не открывают. В свою очередь понимание людей, человечность историка помогают ему достичь истины. Цель истории, по Гумбольдту, состоит в том, чтобы "создать подлинную картину человеческих судеб в ее истине, живой полноте, чистоте, ясности, воспринятой духом"¹⁰⁴. Вместе с тем историческое познание должно корреспондироваться с господствующей направленностью идей, устранять случайное, чтобы "сделать очевидной внутреннюю истину форм, затемненную в реальном явлении"¹⁰⁵.

Э. Трельч, который рассматривал Гумбольдта в контексте связи между историей и теорией ценностей, утверждал, что именно благодаря этическому осмыслению прошлого имя Гумбольдта было вписано в палитру историографических исследований¹⁰⁶. Этому докладу Гумбольдта была посвящена диссертация В. Гуденберга «Основные определения Историка»¹⁰⁷ в докладе Гумбольдта "О задачах историка"¹⁰⁸. Автор показал, что впервые исторические представления Гумбольдта были проанализированы Г. Гервинусом в 1837 г., а в 1868 г. к ним обратился И.Г. Дройзен. Р. Гайм исследовал их в рамках общей философии Гумбольдта, а Э. Шпрангер – в контексте его политической философии, эстетики, философии языка. Гуденберг считал необходимым выяснить, какое место занимает этот доклад в общеполитической концепции Гумбольдта¹⁰⁹, и утверждал, что метафизические основания Исто-

⁹⁹ Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории, с. 290.

¹⁰⁰ Гумбольдт В. фон. Размышления о всемирной истории, с. 285.

¹⁰¹ Гумбольдт В. фон. Размышления о движущих причинах всемирной истории, с. 289–291.

¹⁰² Гумбольдт В. фон. О задаче историка. – Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.

¹⁰³ Там же, с. 293.

¹⁰⁴ Там же, с. 294.

¹⁰⁵ Там же, с. 296.

¹⁰⁶ Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994, с. 174.

¹⁰⁷ Имеется в виду сфера методологии истории. Термин впервые был использован И.Г. Дройзеном в работе "Историка".

¹⁰⁸ Gugenberg V. Die Grundbegriffe der Historik im Humboldt Reden über die Aufgabe des Geschichtsschreibers. Inaugural-Dissertation der Doktorwürde vorgelegt der Philosophischen Fakultät der Georgia Augusta Universität. Göttingen, 1922.

¹⁰⁹ Ibid., S. 1–3.

рики являются частью его философии языка¹¹⁰. Действительно, в этой работе Гумбольдт утверждал: "Но существуют и такие идеальные формы, которые, не воплощаясь в человеческую индивидуальность, воздействуют на нее лишь косвенно. К ним относятся языки. Ибо хотя в каждом языке отражается дух нации, каждый из них имеет и более раннюю, независимую основу, а его собственная сущность и внутренняя связь настолько могущественны и определяющи, что его самостоятельность оказывает большее воздействие, чем испытывает таковое, и каждый имеющий значение язык выступает как своеобразная форма создания и сообщения идей". А поскольку вся история, по Гумбольдту, "является лишь осуществлением идеи"¹¹¹, то роль языка в познании истории существенна. Именно в контексте языка им была поставлена проблема индивидуального и всеобщего в истории. Так, полагая, что человеческий род – это феномен природы, он видел индивидуализацию в генетической связи языка и народа. Однако в рамках гумбольдтовской антропологии изучение индивидуума всегда было сопряжено с утверждением общегуманистических идеалов.

Конечно, говорить о полностью сформировавшейся исторической концепции Гумбольдта, наверное, не стоит. Трельч обращал внимание на более чем неоднозначное восприятие его исторических штудий, указывая как на историков, видевших в Гумбольдте теоретика принципов органического развития, воплощением которых стало творчество Л. фон Ранке, так и на исследователей, акцентирующих разрыв между ними¹¹².

Ф. Мейнеке в работе "Возникновение историзма" оценивал творчество Гумбольдта только в контексте неогуманизма и уточнял, что для развития историзма эпоха гуманизма обладает скорее отрицательным потенциалом, так как востребует античности в ее всеобщем идеальном варианте. Гумбольдт действительно много занимался античностью, но не только в традициях известного специалиста по античности И. Винкельмана. Он актуализировал и иные проблемы, в частности вопросы органического развития, которые были для него значимыми в рамках философии языка и в ходе подготовки и реализации проектов социально-политических реформ. Поэтому этот доклад позволяет косвенно воспринимать Гумбольдта как историка, который во многом предвосхитил критический метод Ранке.

Лингвистика стала главным предметом исследовательской деятельности Гумбольдта. Ученый свободно владел французским, английским, итальянским, испанским, греческим, латынью, баскским, провансальским, венгерским, чешским, литовским, многие годы изучал языки туземцев Южной и Северной Америки, коптский, древнеегипетский, китайский, японский, санскрит. Начиная с 1827 г. Гумбольдт занимался языками народов Индонезии и Полинезии. Именно тогда им были созданы главные работы по теоретическому языкознанию¹¹³. Его основное произведение "О языке кави на острове Ява" увидело свет уже после смерти автора.

* * *

В последние годы жизни Гумбольдта преследовала череда потрясений. В марте 1829 г. скончалась горячо любимая им жена Каролина. От душевных переживаний у него началась болезнь Паркинсона, которая сопровождалась тяжелыми телесными страданиями. Дрожательный паралич стал столь сильным, что Гумбольдт не мог писать, а зрение – столь слабым, что он едва мог читать¹¹⁴. В 1832 г. умер его друг Гёте.

¹¹⁰ Ibid., S. 181.

¹¹¹ Гумбольдт В. фон. О задаче историка, с. 305.

¹¹² Трельч Э. Указ. соч., с. 538–543.

¹¹³ См., например: Humboldt W. von. Sämtliche Werke, Bd. 4–5. Schriften zur Sprachphilosophie.

¹¹⁴ Berglar P. Op. cit., S. 146.

Гумбольдт ожидал приближения смерти, проявляя поразительное самообладание. Он верил, что дух – это нечто высшее, что после смерти дух не исчезнет.

3 апреля 1835 г. в Тегель проститься с Гумбольдтом приехали кронпринц (будущий король Фридрих Вильгельм IV) и его брат Вильгельм (будущий германский император Вильгельм I). Для них Гумбольдт был олицетворением великой духовной и политической эпохи в истории Германии и Пруссии¹¹⁵. 8 апреля 1835 г. во время захода солнца великий ученый скончался и спустя четыре дня был погребен рядом с женой Каролиной.

В 1837 г. в описании известного немецкого литературного критика и писателя К.А. Варнхагена фон Энзе Гумбольдт предстает как человек неограниченных интеллектуальных способностей, который в разговоре легко, играючи говорил на разные темы, подчас с безжалостными остротами, но под маской острослова скрывалась очень ранимая и чувствительная натура, проявившаяся в чистом виде лишь в старости. "О Гумбольдте, как ни о каком другом человеке, можно сказать, что он сам создавал себе обстоятельства"¹¹⁶, – писал Варнхаген.

Большую часть жизни Гумбольдт стремился к карьере политика, написал немало политических работ, но оказался практически невостребованным в плане проведения политических реформ. Его удачей стала только реформа образования, однако и как чиновник от просвещения он не устраивал прусское государство.

Гумбольдт связал свои политические идеи с идеалом гуманности, с нравственной индивидуальностью, поэтому государство, в его представлении, было не только результатом борьбы всех против всех, но и средством для просвещения человека, главным организатором университетской реформы. В идее свободы Гумбольдт видел задачу совершенствования личности, которое проистекало бы из внутренних сил человека и традиций. Такое общегуманистическое понимание государственно-правовой теории позволяло ему претендовать на интеллектуальную власть над разными группами. Гумбольдт стал одним из первых ученых-гуманитариев, искавших ответ на волнующие мир вопросы на стыке наук: политико-правовые идеи он связывал с антропологией, познание истории – с лингвистикой, и это уже был своеобразный вариант синтетического знания, объясняющего развитие.

¹¹⁵ Ibidem.

¹¹⁶ Bruford W.H. Op.cit., p. 27.